

Человек из легенды

К 70-летию со дня рождения известного советского писателя Николая Бирюкова

На днях исполняется 70 лет известному советскому писателю лауреату Государственной премии Николаю Зотовичу Бирюкову (1912—1966 гг.). В неполных девятнадцать лет он, тогда студент техникума, закрыл прорвавшуюся в котловане сваяжину. Ледяной поток воды стал причиной его долгой и тяжелой болезни. И все свои книги он написал, будучи прикованным к постели.

«Чайка»... Эта книга, написанная им в годы Великой Отечественной, обошла весь мир: она выдержала более ста изданий, переведена на сорок два языка.

Предлагаем вниманию наших читателей воспоминания старейшего советского писателя Бориса Дьякова, который был первым редактором романа «Чайка».

Москва. Июль 44-го года. Русаковская улица. Кирпичный дом под номером первым.

Поднимаюсь на четвертый этаж. Квартира номер шестнадцать. Звоно. Дверь открывает молодая женщина.

— Анна Ильинична?

— Я.— Она робко улыбается.

— К Николаю Зотовичу, из «Молодой гвардии».

— Пожалуйста, проходите.

Быстрым взглядом обожу довольно большую комнату: маленький стол, две табуретки, этажерка с книгами, посередине — железная кровать. На ней, вытянувшись во всю длину, на высоко взбитых подушках лежит молодой человек с красивым полным лицом, пытливыми глазами.

— Здравствуй, Николай Зотович! Ваш редактор Дьяков.

— Привет, привет, Борис Александрович. Уже предупрежден.

Едва приподнявшись, он слегка двигает вперед руку, точнее — кисть ее. Я подхожу к кровати. Бирюков крепко сжимает мои пальцы.

— Да у вас силенок, дай бог!

— Не-не жалуюсь,— немного заикаясь, говорит он.— Простите, доем свое «фирменное блюдо». Строгая диета... в один и тот же час. На-на-надоело до чертиков! Но — диабет!

Я вглядываюсь в волевые черты лица Бирюкова, отмечаю несколько жесткий взгляд.

— Так, так... Значит, будете редактировать мою «Чайку». А вы уже прочитали? Какое мнение?

— Исключительно хорошее.

Лицо Николая Зотовича светлеет. Он говорит без заикания, которое, видимо, возникает в минуты волнения.

— Имейте в виду: дерусь за каждую фразу, за каждое слово. Бирюков на секунду умолкает. Косится на дверь.

— Три дня подряд,— рассказывает он,— меня навещала мать Лизы Чайкиной — Аксинья Прокофьевна. Приезжала из освобожденного села Руно... В ЦК комсомола ее направили ко мне... Старенькая, от горя сгорбилась. Тихим голосом говорила о дочке, о себе... Исповедь Аксиньи Прокофьевны меня буквально потрясла!

— Понимаю: мать, живой свидетель трагедии. Что может быть достоверней, документальней!

— Кстати, о документальности,— подхватывает Бирюков.— Понимаете, очень сложно строить композицию, развивать сюжет, что-то додумывать, когда ты связан точными датами, подлинными именами. Нужен, значит, собирательный образ моей героини. Тут мне помогли... как вы думаете, кто?.. Девушки!.. Да, да, девушки-партизанки! Такие же, как и Лиза. Опять же ЦК комсомола направил их ко мне. От этих девушек я узнал детали партизанской борьбы. Как раз то, чего мне не доставало.— Он глубоко вздохнул.— Жалею, что Лизу Чайкину не видел! Всмотривался в ее фотокарточку. Но что карточка? Внешний о-о-блик — только!.. Припомнил тут племянницу Ни-

коля Островского Зину. Ну и огонь-девка! Словно ветер, носилась по городу на мотоцикле... Добровольно ушла на фронт. Пробиралась в тыл к фашистам, доставала секретные сведения... Вскоре погибла.. Ее посмертно наградили орденом Отечественной войны... Какими-то черточками характера Зины я, значит, наделил свою героиню, назвал ее Катей Волгиной... Кроме того, у других партизанок находил что-то яркое... Так и сложился образ девушки... Ох, и подмывает меня прочитать хотя бы отдельные главы Аксиньи Прокофьевны!.. Может, что поправила бы, уточнила... Обещала приехать. Жду и опасаюсь: тяжело ей будет слушать...

Высоко поднимается его широкая, жаркая грудь.

— Играете в шахматы?.. Сгоняем партию?.. Аня, дай-ка сюда ратное войско! Ну, в бой?

Шахматную партию, достаточную затянущуюся, я, к великому удовольствию Николая Зотовича, проигрываю.

— Еще одну? — предлагает он.

— С удовольствием. Постараюсь взять реванш!

Не успели мы разыграть дебют, как послышался звонок. Анна Ильинична ввела в комнату Аксинью Прокофьевну.

— Легка на помине! — приветливым возгласом встречает ее Бирюков.

...Бирюковы выехали в подмосковный писательский городок Переделкино в отведенную Литфондом маленькую дачу.

В один из знойных августовских дней 44-го года я вышел на железнодорожной платформе «Переделкино», зашагал по солнечной долине в сторону поселка. Сравнительно быстро отыскал домик с венецианским окном под зеленым зонтом высоких деревьев. Николая Зотовича застал в одиночестве.

Я отобрал страницы с поправками. Бирюков поглядывал на меня. Я протянул стопку листов. Он начал просматривать отредактированные фразы. Громко произнес: «Долой, долой поправки! Долой, долой все вставки! Иначе рукопись порву, ищи ее во рву!». Я принял это за шутку, зная любовь Николая Зотовича к стихотворному экспромту. Но тут он сразу насупился.

Он взял в руки первую страницу. Лицо побагровело, брови изогнулись. Ну, думаю, сейчас в меня полетят стрелы!

— Что-о?! Вы тут в-в-вставляете собственную фразу?

— Николай Зотович, дорогой мой! Поговорим серьезно: читателя сразу надо ввести в обстановку, чтобы он почувствовал атмосферу времени, и тогда...

— Не учите меня!.. Атмосфера и так ясна!

— Нет, не ясна. Вас шокирует фраза или то, что она мною предложена? Надо так, по-моему, и начинать: «Осень 1935 года выдалась на редкость хмурая». Конечно, это не классический образец, меняйте, как желаете, но время действия необходимо указать.

— Мне соавтор не требуется!

— Вы, пожалуйста, не сердитесь. Ни в какие соавторы я не напрашиваюсь. Предлагаю, только предлагаю. Давайте обсудим...

— Не желаю!

В этот день разговора так и не получилось.

...На следующее утро в издательство приехала Анна Ильинична. Лицо заметно осунулось.

— Борис Александрович, как же так получилось?.. Коля всю ночь не спал. У него жуткий диабет, ему никак нельзя нервничать. Он сам не рад, что взорвался.

— Говоря по чистой совести, это вы «бомбу» подложили!

— Я! Конечно, я! Задержалась в городе. Прошу вас: сейчас же едемте к нам в Переделкино! Коля все обдумал, он согласен, что именно с такой фразы надо начинать роман. Объясни, говори, моему редактору, что я «вышел из берегов», теперь «наводнения» больше не будет. Ему стыдно за глупую раздражительность.

...Два часа работы над рукописью были вполне мирными. Бирюков принимал (со вздохами) редакторскую правку, иногда сам исправлял фразу, при этом добродушно говорил: «Э, тут вы, молодой человек, проглядели мою неточность, прошляпили!»

Страницу за страницей автор просматривал с придирчивой тщательностью.

— Значит, когда все закончим?

— Думаю, дней через пять-шесть.

— Не верю! — обрадованно произнес он.

...На четвертый день, стоя в дверях дачного домика Бирюковых, я продекламировал:

— Исполнен долг, завещанный мне свьше, и я опять под вашей крышей!.. «Чайка» готова к полету!

— Это праздник, праздник, праздник! — преисполненная радости, проговорила Анна Ильинична и подвела меня к кровати мужа.

— Значит, можно подписывать? — радостно спросил Бирюков.

— Для того и приехал!

— А можно еще добавить посвящение Лизе Чайкиной?

— Непременно!

Николай Зотович протянул мне четвертушку бумаги с двумя строками: «Светлой памяти Лизы Чайкиной, верной дочери русского народа, с глубокой любовью посвящаю эту книгу».

— Прекрасно! — одобрил я.

— Все! — с грустью сказал Бирюков.

Я понимал: ему мучительно больно расставаться со своими героями.

— Хочу, чтобы моя «Чайка» воевала с фашистами,— признался он.— Попросите, пожалуйста, кого надо направить книгу, значит, в первую очередь бойцам, политотделцам.

И «Чайка» полетела на фронт.

Борис Дьяков.